

Эти заводи памяти

я искала то место
мимолётное летнее
и не нашла
может здесь оно
а может не здесь

тот поваленный ствол
убран
обвалились в ручей берега
вместе с жизнью моей

помнишь наш с тобой схрон
под обрывом у самой воды
почему-то казалось
не найдёт не увидит нас здесь
мегаполис тысячеглазый

тот же чахленький лесопарк
и тот же овраг
но сейчас
я стою здесь одна
смотрю как смеётся река
одна и та же
в которую хренушки дважды
вспоминаю рубиновый вкус глотка
из витражно-винтажной
бутылки дешёвенького вина
мы смеялись и целовались
и бутылка всё время была полна

да похоже это всё было здесь
а может не здесь
не важно
важно что ты и сейчас где-то есть

эти заводи памяти
соловьиные смутные
этот май слишком тёплый
и журчанье и шелест

лишь теперь поняла
было счастье
с горчинкой
минутное

и уносит вода все слова
и уже ничего не изменишь

май 2019

ОСКОЛКИ ВИТРАЖА

Что прошлое?

Осколки витража или – картина целиком,
куда тыходишь,
чуть сконцентрировавшись?
Но, войдя, вдруг видишь,
что всё вокруг как будто неживое,
всё – словно сколок, слепок с самого себя.

Вот, есть трава. Поленница. Тропинка.
Поваленный фонарик у обочины – его вчера воткнули,
и он потом упал.
Валяется, блестит и серебрится.
Вот небо. Облака зависли недвижимо.
Как тихо. Почему нет птиц, кузнечиков,
нет шёпота и робкого дыханья –
вот этого всего?
– Ага, включились! Свиристыят. Но только – по щелчку.
Не настоящие. Точнее, настоящие-в-прошедшем.
Вот сныть, которую я драть привыкла.
(Я помню, ты сказал, что «сныть» – глагол...)
Вот зелёный домик под огромной туей.
Вот луч на влажных досках – застыл, не движется.
Нет лепета, нет промельков листвы
сиреней, яблонь и жасминов.
Ага: щел-чок!
– Включилось, понеслась...

По залам прошлого хожу: нагнусь, возьму, отброшу...
Всё, словно в амальгаме, в янтаре,
всё здесь – но и не здесь.

А вот и мы.

Я – лежу, раскинувшись на травке тёплой, глядя в небеса,
ты – склонившись, протягиваешь мне бокал из синего стекла.
В бокале – косо – в недвижимом крене – дремлет озерцо вина.
Томительный и сладкий миг (штампованный донельзя)...
Так и хочется в ладоши хлопнуть,
разбудить, разрушить многозначительную статуарность.
Но я лишь прошепчу: «Вперёд!»

– Щел-чок!

И солнце преломляется в вине,
и мечутся, играют искры, блики

рубинов и сапфиров в вышине!
И – интересно, что ты скажешь мне?..

Но снова всё остановилось.
Зелёно-золотистый занавес
из звона зинзиверов
забвением зияет.
В прореху льётся, застывая, тишина...

Вот прошлое:
нельзя потрогать, можно лишь смотреть...
И сожалеть.
Ничто не повторится.